

стіанствомъ, на которое онъ опирается, идетъ Толстой, когда указываетъ на необходимость для человѣка отречься отъ личнаго самоутверженія, уничтожить свое «я». быть какимъ-то безличнымъ орудіемъ высшей, управляющей имъ воли? Надо утвердиться, говорить онъ, на отреченіи отъ себя и тогда будетъ прочное и истинное утвержденіе.

Что-то покорно-монашеское, смиренное и въ то же время неглубокое, разсудочное звучитъ въ его проповѣди 1882 года:

«Нужно жить по-Божыи, отрекаться отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ».

Жизнь—это не наша жизнь, разсуждается онъ, и мы не можемъ судить объ истинной ея сущности, ибо для этого надо быть не человѣкомъ, а больше, чѣмъ человѣкомъ, чтобы знать жизнь всю и опредѣлять ее какъ она есть. Мы будемъ заблуждаться относительно нея такъ же, какъ заблуждаются относительно истинной дороги жизни палачъ или сумасшедший, засѣвшій въ темную загаженную комнату. Мы заключены въ раковину ограниченаго кругозора и пониманія жизни, мы не можемъ возвыситься надъ данной намъ высотой и широтой пониманія, примемъ же, что смыслъ жизни не въ насть и что наше дѣло—дѣло любви и служенія человѣчеству». Только не ждать ничего ни съ неба, ни съ земли,